

Лабуткин Никита

Тема ближневосточных мигрантов и связанные с ней вопросы нарастания ксенофобских настроений в европейских обществах на фоне периодических вспышек насилия и терактов на континенте; недовольства ряда европейских государств политикой Брюсселя в части принятия обязательной для стран-членов ЕС «системы квот»; дезинтеграции ЕС, выражающейся в укреплении национальных границ, отказе от следования решениям «центра», и т.д. получили широкое освещение в информационно-новостных и аналитических изданиях. Предметом внимания, как правило, являются вопросы «что делать?» и «кто виноват?». И если ответ на второй вопрос не представляет значительного интереса в рамках выбранной тематики, то ответ на первый, по мнению автора, требует переопределения самой проблемы.

Гражданская война в Сирии, начавшаяся на волне «арабской весны» в 2011 г. наряду с активизацией терроризма в 2014 г. в лице Исламского государства (ИГ, организация запрещена в России), иных террористических бандформирований на территориях Ирака и Сирии, привели к мощному росту миграционной динамики по европейскому направлению из числа представителей охваченных войнами регионов. По информации на 2015 г., в страны ЕС прибыло более миллиона мигрантов. По данным ООН, в 2016 г. поток может увеличиться вдвое, по данным ЕС – втрое. Подобная ситуация может быть определена в качестве миграционного кризиса не только и не столько в связи с самим фактом того, что ЕС был не готов к наплыву иммигрантов, сколько с общим фоном «арабского исхода» и порожденными им тенденциями.

Национальный эгоизм?

Государства-члены Евросоюза, располагающиеся по периметру ЕС («страны транзита» - Испания, Италия, Греция и др.) приняли на себя основной удар миграционного давления, обязанные рассматривать заявки на статус беженцев от иммигрантов и размещать их, таким образом, в пределах своих границ, в соответствии с правилом «первой страны» Дублинского соглашения 1990 г. Недовольные подобным положением, страны транзита стали «закрывать глаза» на нелегалов, перемещающихся по их территориям в направлении более развитых стран Союза. Это, а также принятая в сентябре 2015 г. Советом ЕС по юстиции и внутренним делам программа расселения 120 тыс. беженцев, в основе которой лежала система квот, обусловили стремления государств-членов Союза обезопасить себя от нежеланных гостей за счет укрепления национальных границ, ужесточения законодательства в части, касающейся миграционной политики и политики в отношении беженцев. Летом 2016 г. даже шли дискуссии, лейтмотивом которых выступал возможный распад Шенгенской зоны за счет введения режима контроля на границах внутри Союза. Нежелание следовать политике «метрополии» проявили государства Центральной и Восточной Европы. Так, в частности в июле 2016 г. президент Венгрии распорядился назначить проведение референдума по вопросу принятия квот по беженцам.

Попытки пересмотра Дублинского соглашения (дискуссия по этому вопросу проходила в конце 2015 года) в целях более справедливого распределения нагрузки не увенчались успехом, поскольку отмена правила «первой страны» была нежелательна для стран, в которые устремляются основные потоки мигрантов (Германия, Венгрия, Швеция и др.). Кроме того, она (отмена) значила бы узаконивание практики хаотичного перемещения прибывающих, что на фоне терактов, число которых за 2015 г. в Европе достигло рекордной отметки в 211 случаев, представляется крайне опасным. Альтернативой планам по изменению Дублинского соглашения, по-видимому, стало соглашение Турция - ЕС о миграции, заключенное в марте 2016 г. В соответствии с ним, Анкара обязывалась размещать на своей территории всех нелегальных мигрантов (сирийцев), прибывших на греческие острова через территорию Турции. В соответствии с соглашением, «взамен» каждого возвращенного в Турцию нелегального мигранта один

«официальный беженец», находящийся на территории Турции, будет переселен в одну из стран ЕС. Брюссель, кроме того, обязался ускорить процедуру отмены виз для турецких граждан, а также выплатить Анкаре 3 млрд. евро, предназначенные, в частности, для финансирования размещения мигрантов на турецкой территории. К настоящему времени существует вероятность того, что «миграционная подушка безопасности» ЕС, созданная на основе этой договоренности, может не сработать за нарушением правил эксплуатации механизма соглашения. Средства, которые страны ЕС должны были предоставить Турции, до сих пор не выделены, а вопрос отмены виз фактически снят с повестки дня в связи с требованием ЕС об изменении антитеррористического законодательства Турции, что на фоне июльской попытки государственного переворота в Республике, кажется практически невозможным.

«Призрак джихадизма бродит по Европе» или «столкновение цивилизаций»

Отношение европейцев к иммигрантам со времен начала миграционного потока в первой половине 2015 г. к настоящему моменту изменилось в отрицательную сторону, о чем свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения¹. Во внутренней политике ряда стран ЕС популярность стали набирать правые националистические партии. На уровне ЕС новых сторонников приобретает ультраправое немецкое движение ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада). Все чаще слышны призывы со стороны официальных лиц ряда стран к депортации нелегальных мигрантов, присутствие которых создает напряженную атмосферу в европейских обществах. Продолжающиеся теракты на территории стран ЕС укрепляют веру европейцев в неспособность Брюсселя и своих правительств обеспечить безопасность. Пока на государственном уровне рассматриваются вопросы введения национальных барьеров, в обществе нарождаются радикальные националистические настроения, приводящие к столкновениям при участии европейцев и иммигрантов. Негативное отношение к последним складывается не только из опасений в причастности «восточных гостей» к террористическим ячейкам, но и более тривиальных вещей – культурного неприятия, непонимания и отталкивания чуждого. Кроме того, столь большое количество приезжих крайне тяжело (если вообще возможно) интегрировать в иные культурные условия. Очевидно, что в местах скопления беженцев/нелегалов будут образовываться этнические анклав, что опять-таки тревожит европейских граждан.

Другим фактором, влияющим на настроения европейцев, является рост преступности, связанный с деятельностью иммигрантов, в частности «на бытовом» уровне. Условия жизни нелегальных мигрантов, а также тех, кто дожидается предоставления убежища (длительный процесс, который может достигать сроков более чем 1 год), характеризуются отсутствием легальной работы, несоответствием представлений о «сказочной стране» реальности, в которой они оказались (показательными являются случаи поджогов мигрантами лагерей с целью добиться более комфортных условий существования). Это зачастую подталкивает вновь прибывающих на совершение преступлений (о безусловной корреляции роста преступлений и количества приезжающих говорить трудно), что естественно остро воспринимается европейцами и приводит к случаям насилия со стороны отдельных граждан стран ЕС в отношении иммигрантов. В этом контексте возникает вопрос – можно ли как-то сдерживать рост ксенофобии, взывая к большей толерантности и воспитывая в европейских обществах дух мультикультурализма?

Кризис в формате «3D»

Проблема иммигрантов/беженцев – системная проблема. Полемика по данному вопросу протекает в рамках трех измерений:

¹ Результаты одного из последних крупных исследований по этой теме отражено в докладе американского Pew Research Centre «Европейцы боятся, что волна беженцев приведет к усилению терроризма и сокращению рабочих мест» («Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs», July 11, 2016)

1) Вопросы морально-нравственного порядка (следует ли европейцам принимать иммигрантов, а если следует, то, сколько и кого?; что делать с теми, кому было отказано в предоставлении убежища?);

2) Вопросы внутренней и внешней безопасности (как следует организовать работу институтов, ответственных за проведение политики в отношении иммигрантов и беженцев?; следует ли укреплять внутренние границы?; каким образом укрепить границы внешние?; и т.д.);

3) Вопросы сохранения единства ЕС (какую политику в отношении беженцев следует проводить и каким образом это делать так, чтобы «Европейская Крепость» выстояла?)

Следует отметить, что большая часть этих вопросов во многом формальна, поскольку, задавая их, мы предполагаем, что подавляющее большинство иммигрантов, прибывающих в ЕС а) легальные; б) зарегистрированные по месту въезда; в) готовы вернуться на родину в случае отказа государства-реципиента от предоставления убежища. В аналитических изданиях не раз подчеркивалось, что современная волна переселенцев «технологически продвинутая» и «информационно подкованная». Неужели, приходится думать о том, что, иммигранты, зная о положении дел в ЕС в части неготовности европейских государств принимать «восточных друзей», отказах от предоставления убежища (с большей вероятностью лицам из «безопасных стран происхождения» - Алжира, Марокко, Туниса), депортациях, тяжелых условиях жизни в новых государствах, с готовностью будут соблюдать формальности? Попытаться счастья, отправившись на континент по «контрабандным каналам» с возможной гарантией минимального обеспечения со стороны контрабандистов (при условии невыносимости жизни в родной стране) видится более привлекательной альтернативой. Конечно, и в данном случае существуют риски не добраться до пункта назначения, быть пойманным на границе и т.д., однако, все они эфемерны по сравнению с холодным бюрократическим механизмом европейской политики, где отказ от признания тебя беженцем – путевка на родину.

Таким образом, представляется, что важными среди обозначенных вопросов являются те, что относятся к укреплению внешних рубежей. Но не они одни. Проблема миграции, так как она обозначена в большинстве работ (как проблема притока нелегальных иммигрантов и путей сдерживания/приостановления этого процесса) должна быть переопределена. Допустим, удалось установить непроницаемый заслон на пути нелегальных мигрантов в Европу. В остатке вопрос – что делать с теми, кто уже прибыл на континент? Перспективы реализации плана по размещению 120 тыс. человек выглядят неутешительно на фоне общего количества нуждающихся. Депортация 1 млн. человек более², кажется, если и сколько-нибудь реальной задачей (а так ли это?), то затруднительной с точки зрения организации самого процесса репатриации. Трудности возникают уже на уровне «сбора» самих мигрантов, нахождения транспортных средств и обеспечения логистических путей. Даже если и удастся справиться с обозначенными проблемами, возникают новые вопросы – как много времени пройдет, прежде чем завершится этот процесс, и что может произойти за это время при условии нежелания иммигрантов возвращаться на родину, низкого уровня жизни в статусе «непризнанного беженца» и сопротивления европейцев присутствию иммигрантов в их странах?

«Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать...»

При анализе ситуации возникает множество вопросов, главным из которых можно определить следующий – являются ли предпринимаемые на уровне ЕС меры (квоты, «налог солидарности») и система «предохранительных соглашений» по типу того, которое подписано с Турцией решением проблемы иммигрантов? Думается, что нет. Можно в перспективе сократить поток беженцев, построив «Великую европейскую стену»,

² По данным Pew Research Centre от 2 августа 2016 г., за 2015 г. было подано более 1,3 млн. заявок на статус беженцев только от легальных мигрантов - <http://www.pewglobal.org/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015/>

возродить терпимость в европейских обществах и т.д. Все это, однако, – устранение симптомов, а не лечение причин болезни, которые кроются по другую сторону Средиземноморья. Путь решения проблемы иммигрантов/беженцев (не только в масштабах ЕС, но в целом) лежит через обеспечение безопасности на территориях, выходцами которых они являются. Иначе говоря, следует ликвидировать стимул для переселения, которым в настоящих условиях выступают непрекращающиеся военные действия на территориях Ирака и Сирии. Разумными представляются действия Великобритании, которая, отказываясь от приема беженцев на своей территории (предохраняя, таким образом, себя от внутренней дестабилизации), выделяет денежные средства для обеспечения «комфортных условий» для жизни мигрантов в других странах. Однако и подобная тактика, используемая в отдельности, проигрышна – средства можно выделять бесконечно долго, создавать «кормушку» для всех желающих, т.к. отследить реальное положение и происхождение мигрантов за рубежом (в частности тех, то проживает в лагерях в Иордании, Ливане, Турции), а также то, как расходуются средства крайне тяжело. Российский подход, основывающийся на видение проблемы беженцев как проблемы, прежде всего политической, по сути, верен. Сосредоточение усилий международного сообщества на ликвидации угрозы жизни мирным гражданам в ближневосточном регионе – первостепенная задача. Безусловно, параллельно с этим, следует предпринимать меры, направленные на поддержку беженцев, однако, это тема, требующая отдельного рассмотрения в силу ее комплексности (потребуется ответы на многие вопросы, в частности – как определить, кто заслуживает убежища, а кто нет; каким образом организовать систему безопасности, направленную на отсеивание представителей террористических организаций, пытающихся проникнуть в Европу и т.д.).

Относительно участвовавших случаев насилия в отношении иммигрантов, дестабилизации общества в связи с ростом ксенофобских настроений, угрозой терактов как симптомов «миграционной болезни», представляется возможным создание некоей «резервации» или искусственных анклавов на период решения основной причины кризиса. Это, конечно, может показаться жестким решением, однако, альтернатива ему – то, что мы можем наблюдать сейчас (а с учетом возможности выхода Турции из соглашения по миграции ситуация только усугубится). Конечно, скопление критической массы приезжих в одной, двух, трех и т.д. частях Европы может создать условия повышенного риска (теракты могут иметь место в рамках обозначенных ареалов), с другой стороны – компактное размещение иммигрантов потенциально решит проблемы эскалации напряженности в самой Европе. Ограничение прав человека ради обеспечения большей безопасности страны и ее граждан – практика, которой повсеместно следуют во время острых кризисных ситуациях. Так, почему в настоящий момент нельзя прибегнуть к разделению носителей двух различных культур? Потому что это «плохо»? Потому что это напоминает режим апартеида (хотя, никто не говорит о притеснении, лишь о территориальной привязке как временной мере)? И в очередной раз мы сталкиваемся с вопросами морально-нравственного порядка.

Примечательно, что идея «возвращения» сирийцев, заложенная в соглашении ЕС - Турция, демонстрирует подобный описанному выше подход, направленный на разделение «коренных» и приезжих, правда, представленный в более мягкой форме – форме сдерживания чужими руками. Думается, когда ставки будут высоки, создание отдельного территориального анклава может стать реальностью. Рассмотрение подобного сценария может быть уместным и полезным с точки зрения подхода «от противного». Европейская демократия, ядром которой являются права человека, гуманизм – идеал, необходимый при выработке политики, но не императивный, когда речь заходит о реальной угрозе внутреннего коллапса. Прагматизм европейских представителей в какой-то момент может взять верх и тогда, сегрегация, в перспективе может стать не самым худшим вариантом. Пока же до этого не дошло, следует тщательно проанализировать возможные механизмы «удержания в рамках» миграционного бума (решение, как было определено, возможно

лишь при ликвидации стимула – угрозы для граждан в родных странах). Понятно, что невозможно угодить каждому: государству, организации, отдельным лицам – придется делать выбор. Подобные рассуждения могут оказаться несправедливыми в случае, если в ближайший год представителям мирового сообщества, антитеррористической коалиции удастся ликвидировать общую угрозу, стабилизировав ситуацию в ближневосточном регионе, и организовать репатриацию. И в этом случае возникнут новые проблемы, среди которых восстановление заброшенных и разрушенных домов мигрантов на родине, воссоздание инфраструктуры, необходимой для жизни и поврежденной/ уничтоженной во время ведения боевых действий и т.д.

Говорят, что «проблемы нужно решать по мере их поступления», однако в условиях современного мира мало быть способным оперативно реагировать, жизненно важным становится – уметь предвидеть. При любых сценариях, проблема иммигрантов – вопрос о человеке и условиях его жизни. Влияние и последствия сложившейся ситуации для ЕС катастрофически (хотя, возможно сейчас это и воспринимается с долей скепсиса). Будущее Европейского Союза представляется делом выбора самого Союза – следовать ли идеалам гуманизма или укреплять собственное положение, идя на ограничительные меры в отношении иммигрантов и, таким образом, терпя «имиджевые потери». Выбор в пользу первого, на взгляд автора, в настоящий момент подкрепляет кризисные тенденции внутри Европейского Союза.